

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

УДК 93/94, ББК 63.3(2)6-2

© Безнин М.А., Димони Т.М.

Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг.*

Михаил Алексеевич

БЕЗНИН

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15

E-mail: beznin@uni-ologda.ac.ru

ORCID: 0000-0001-5152-796X; ResearcherID: AAM-7820-2020

Татьяна Михайловна

ДИМОНИ

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15

E-mail: dimonitm@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9049-1469; ResearcherID: AAF-4638-2019

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности применения институциональной теории к изучению экономического устройства советской России и использования ее отдельных элементов для решения задач повышения эффективности государственного управления на современном этапе развития нашей страны. Цель работы – рассмотреть базовые вопросы эволюции социально-экономического развития страны на этапе бифуркации. Новизна исследования состоит в том, что показаны эволюционные тренды института собственности и политико-идеологические механизмы их обеспечения в 1930–1980-е гг. Сделан упор на выявлении этапов трансформации отношений собственности: от формирования коллективной капиталистической собственности в период 1930–1950-х гг. до тенденций к ее индивидуализации в 1960–1980-е гг.

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269.

Для цитирования: Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

For citation: Beznin M.A., Dimoni T.M. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

Рубеж 1990-х гг. рассматривается как период коренных изменений института коллективной капиталистической собственности. По мнению авторов, большое значение в советское время имело формирование протобуржуазного класса со-собственников, обеспечивших капитализаторские тенденции в развитии общества. Показано идеологическое содержание трендов, ведущих к капиталистической трансформации России, заключающихся в оправдании концентрации прав собственности. Довольно большое значение в этом процессе имело изменение социальной базы формирования правящего класса, включение в его состав представителей класса интеллектуалов и интеллигенции. Отмечается, что приватизация в ходе рыночных трансформаций ломала сложившиеся в советский период отношения собственности, привела к росту социального неравенства. Подчеркивается настоятельная необходимость перестройки современной государственной политики в плане учета менталитета «русской жизни» и экономических традиций, сложившихся в советский период.

Ключевые слова: Россия, СССР, государственный капитализм, институты, институциональные механизмы, собственность, протобуржуазия.

Введение

Советский эксперимент обогатил поле научных исследований. К сожалению, вопросы социально-экономической практики тех лет пока недостаточно изучены во многих аспектах: политических, организационных, идеологических. Одним из таких вопросов, например, является вопрос о собственности, возведенный в советское время в ранг «краеугольного камня» политэкономии, а сейчас снова ставший актуальным в связи с популярностью институционального подхода. Между тем, в современной России вопрос об эволюции отношений и форм собственности остается чрезвычайно важным. С одной стороны, еще не изжиты подходы советских экономических исследований, с другой — сказываются довольно болезненные последствия приватизации 1990 — начала 2000-х гг. В ходе разгосударствления, проведенного в сложных политических и экономических условиях, суперфорсированно, сопровождавшегося многочисленными нарушениями созданного тогда же законодательства, весомая доля госсобственности перешла в частные руки. С 1992 по 2006 год было приватизировано более 100 тыс. предприятий, возник слой крупных частных собственников (буржуа), сосредоточивших в своих руках более 90% доходов страны. Население России расценивает итоги приватизации как несправедливые и грабительские.

В этом смысле советские распределительные отношения, базировавшиеся на форме собственности, названной в советской Конституции общенародной, воспринимаются значительной частью общественности как справедливые, так как они давали возможность избежать

гипертрофированного присвоения результатов общественного труда отдельной социальной группой. Не случайно современные общественные науки все чаще задаются вопросом, как же функционировала эта «необычная» форма собственности, был ли у нее конкретный субъект? В нашей статье предпринята попытка найти на них ответы.

В 2020 году в России приняты некоторые изменения в Конституцию 1993 г., связанные с наращиванием социальной справедливости, среди них — о минимальном уровне оплаты труда не ниже прожиточного минимума, ежегодной индексации пенсий и др. Однако вопрос о собственности и роли в ней государственного регулирования, в том числе возможности ограничить олигархические притязания, пока не получил должного законодательного отклика. В то же время такой общественный запрос существует. Опыт советской системы по ограничению частнокапиталистических возможностей в реализации права собственности показывает возможности государства в поддержке ментального представления российского социума о справедливом устройстве общества. Кроме обсуждения роли государства в экономике, важен вопрос о национальной элите. В политической элите общества должны господствовать представители, поддерживающие общественные и государственные интересы, а не стремящиеся к личному обогащению. Как создать такой управленческий потенциал, какие механизмы и рычаги следует задействовать государству — актуальная проблема изучения политического процесса.

Институционализм как метод изучения социально-экономических процессов

Институционализм является результатом развития экономических исследований и уже давно утвердился в экономической науке. С 1970-х гг. большую активность приобрел неoinституционализм, одной из ветвей которого стал исторический институционализм. Классическими работами неoinституционалистов считаются монографии Д. Норта (и его соавтора Р. Томаса) и Р. Фогеля, получившие Нобелевскую премию [1; 2]. По определению Д. Норта, которого мы придерживаемся, институты – это формальные и неформальные правила и нормы, организующие социальные, политические и экономические отношения [3]. Они создают «правила игры» для повседневной жизни, обеспечивают относительно предсказуемую систему взаимодействия между населением и организациями, влияют на стимулы людей и их поведение (но не всегда определяют его). Большинство ученых, работающих в русле неoinституциональных исследований, склоняются к классификации институтов общества на формальные и неформальные. Формальные институты включают в себя законы, официальные государственные властные структуры; неформальные институты – социальные нормы (обычно неписаные), обычаи или традиции, которые формируют образ мысли и поведение. На практике формальные и неформальные институты могут как дополнять друг друга, так и конкурировать между собой.

Сегодня исследователи используют институциональный подход в качестве метода анализа динамики социальных, политических, экономических изменений общества на длительных промежутках исторического времени. Как писал один из основоположников применения институциональной теории в истории Ч. Тилли, этот подход применим для изучения «больших структур, крупных процессов и грандиозных сравнений» [4].

Результаты работы институционалистов и неoinституционалистов породили самые разные реакции, в том числе довольно серьезную критику их концепций. Например, Р.И. Капелюшников критикует «пан-институционализм» за абсолютизацию роли формальных институтов, которые описаны как главная, а часто

единственная движущая сила исторического процесса [5]. По мнению Р.И. Капелюшникова, необходим более полный учет других факторов развития социально-экономических систем, таких как географические условия, культура, форс-мажорные события (эпидемии, катастрофы и т. д.). Ученый обращает внимание на недоучет роли идей, возникающих или доминирующих в обществе, на недостаточное внимание институционалистов к обычаям (в широком смысле слова, в том числе укоренившимся нормам обычного права, ментальным установкам, глубинным религиозным представлениям и пр.).

Центральным институтом, подвергаемым анализу лидерами неoinституциональной теории, является институт собственности, точнее, защищенность прав частной собственности. Они убеждены, что частная собственность способствует быстрейшему установлению передовых социальных и общественных форм и усиливает экономическую динамику. В качестве важнейшего актора, осуществляющего защиту прав собственности, последователи институционализма называют государство с его функциями гаранта. Например, по мнению Д. Норта, возникновение политических институтов, определяющих «эффективные» права собственности, неизбежно сказывается на развитии экономических институтов, способствующих рыночному обмену [3]. В то же время критики этого подхода подчеркивают, что частная собственность является крайне неинклюзивной формой собственности и может, напротив, тормозить развитие. Гораздо более эффективными, на их взгляд, выступают общедоступные, а также кооперативные формы собственности. Изучение динамики отношений собственности, изменений законодательного оформления прав собственности, реализации прав собственности – на наш взгляд, один из основных вопросов в исследовании экономической и социальной трансформации общества. Выполненные нами изыскания в отношении экономики СССР показывают, что оформленные и реализуемые в обществе отношения собственности способствовали формированию оригинальной системы советского государственного капитализма. Являясь разновидностью капиталистической системы, он характеризовался

отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования у высшего класса — по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки капиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки, финансово-кредитные рычаги и др.) существенно отличались от классического индивидуализированного капитализма [6; 7; 8]. Следует отметить и наличие неформальной ниши в реализации отношений собственности в СССР, особенно начиная с 1960-х гг. — так называемой теневой экономики. Здесь в большей мере действовали отношения обычного (неписаного) права, иногда довольно близкие к модели классических рыночных отношений.

Одним из основных понятий, которыми оперируют исторические институционалисты, является «путь зависимости» (или «историческая колея»). Т. Скочпол и П. Пирсон пишут, что «путь зависимости» не имеет пока четкого определения. В целом же в данном контексте можно говорить о том, что результаты развития в критический момент запускают механизмы обратной связи (как положительные, так и отрицательные), усиливающие повторение определенных процессов в будущем [9]. По всей видимости, этот аспект исторического институционализма для российской истории будет особенно важным. В стране с огромным крестьянским населением, преобладавшим до середины XX века, с особой «этикой выживания», основанной на представлениях о коллективизме, патерналистские действия власти во многом обусловили специфический тип капитализации страны. «Историческая колея» в период форсированного первоначального накопления капитала (1930–1950-е гг.) предопределила обыденность жестких действий власти, формирование системы повинностей (отрабочных, натурально-продуктовых, денежных), «молчаливое» одобрение привычного миллионам более чем скромного жизненного уклада [10].

Понятие «исторической колеи» заставляет пристальнее присмотреться к еще одной обсуждаемой неинституционалистами проблеме —

вопросу об институциональных механизмах. Под институциональными механизмами неинституционалисты понимают передачу правил, принятых в структурах [11; 12]. По утверждению Д. Норта, «не существует иных решений, кроме использования институциональных механизмов, чтобы установить правила игры, и использования организаций — чтобы обеспечить соблюдение этих правил» [13]. Таким образом, институты реализуют деятельность через организации. Организации же, в свою очередь, реализуют институциональные требования, упорядочивают правила и нормы взаимодействия между агентами хозяйствования, закрепляют определенные правила поведения, укрепляющие институты [14]. К такого рода организациям следует отнести довольно большую совокупность существовавших в СССР хозяйственных, политических, профессиональных и прочих структур. Это центральные и региональные подразделения комитетов КПСС, вырабатывавшие политико-идеологические взгляды на стратегическое движение; министерства и ведомства, госкомитеты, игравшие ведущую роль в деятельности хозяйственных институтов; банки, формировавшие финансовые механизмы экономической системы; структуры правоохранительных органов и др. Нельзя сбрасывать со счетов и неформальные механизмы хозяйственного взаимодействия (от таких архаичных, как «кумовство», до довольно высокоорганизованного рыночного подполья). Привлекательность последних, по мнению В.М. Полтеровича, была обусловлена низкими транзакционными издержками при трансформации хозяйственного механизма [12].

Отдельно следует сказать о дефиниции «социальные институты», широко применяемой в современной социологии. Как правило, социологи используют этот термин для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя, таких как правительства, семьи, человеческие языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы. Одно из наиболее принятых на сегодняшний день разъяснений предложил Д. Тернер, определив, что социальные институты — это «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженных в конкретных видах социальных структур и организаций, относительно стабильные

стандарты деятельности человека по отношению к фундаментальным проблемам производства жизненных ресурсов для поддержания жизни, воспроизводства человека и поддержания жизненно важных социальных структур в пределах данной окружающей среды» [15]. На наш взгляд, в изучении социальных институтов, ключевыми из которых являются социальные классы, важным представляется исследование социальных отношений, возникавших между классами по поводу собственности на средства производства и всей последующей цепочки (экономические и правовые отношения); отношений между классами по поводу государственной власти и государственного управления (политические отношения); отношений между классами по поводу создания и потребления идеологических и духовных ценностей.

В плане применения институционализма к историческим процессам нам представляется особенно важным проанализировать институт собственности; политико-идеологическое обеспечение экономических трендов; изучить рыночные и вне рыночные формы товарности в советской России; денежные и внеденежные механизмы регулирования в советском экономическом устройстве; исследовать институты планирования, снабжения и т. п. способов замены рыночных механизмов. Отдельная очень интересная проблема — эволюция обыденности экономической жизни и ментальная революция в советском социуме. В статье рассматриваются первые две позиции вышеназванных институциональных особенностей советского экономического устройства: коллективная капиталистическая собственность и некоторые политико-идеологические характеристики продвижения госкапиталистических экономических трендов.

Следует сказать о комплексе привлеченных источников, обладающем определенной спецификой. Прежде всего это законодательные акты, начиная с ключевых (Конституции РСФСР и СССР советского времени), заканчивая сопровождающими социально-экономическое развитие нормативными документами. Большое значение имеют публикации статистических данных — в частности в работе мы опираемся на данные статсборника «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—

1938 гг.)», изданного в 1939 году и подводящего определенный итог развитию страны за советский период. Для изучения эволюции идейно-политических установок использовались документы Российского государственного архива социально-политической истории (фонд В.М. Молотова) и Российского государственного архива новейшей истории, например, из фондов последнего привлечен к анализу доклад сотрудника Кентуккского университета Ф.Д. Флерона «Советская политическая элита: некоторые аспекты политического и экономического развития в Советском Союзе», добытый в конце 1960-х гг. сотрудниками КГБ СССР.

Эволюция института собственности в советской России

В советский период первое заметное изменение прав собственности было оформлено уже Декретами советской власти 1917 года и Конституцией РСФСР 1918 года. Согласно им, из частной собственности изъята земля (в широком смысле слова) и банки, значительно ограничивались права собственников промышленных предприятий¹. Этап экспериментов 1920-х гг. показал неотвратимость перехода к форсированному первоначальному накоплению, известному в истории России под названием коллективизации. Его содержание гораздо шире и охватывает изъятие собственности не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности (в основном кустарной), торговле, питании, транспорте и пр. Закрепила передел собственности Конституция СССР 1936 года, которая провозгласила «отмену частной собственности» как «средства эксплуатации человека человеком»; утверждение «социалистической собственности» в формах «государственной собственности (всемирного достояния)», «кооперативно-колхозной собственности (собственности отдельных колхозов, кооперативных объединений)» и личной собственности (жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий инвентарь, личные сбережения и пр.)².

¹ Конституция РСФСР. М., 1918. 31 с.

² Конституция СССР (1936). М., 1947. 26 с. В данной Конституции допускалось также мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, но, по сути, оно было тождественно личной собственности граждан. Близкие к Конституции 1936 г. положения в отношении собственности содержала и Конституция СССР 1977 г.

На основании опубликованных в конце 1930-х гг. данных рассмотрим перераспределение капиталов по формам собственности (табл. 1).

Государственная собственность оказалась основной формой собственности на производственный капитал (включая землю) в СССР уже в 1928 году. В 1936 году ее доля в общей массе объектов собственности достигла 98,7%. За этот же период доля кооперативно-колхозной собственности возросла с 1,3 до 8,7% от всей массы основного производственного капитала, а доля мелкой и капиталистической частной собственности сократилась с 22 до 0,2%. Такое перераспределение главных объектов собственности — производственных капиталов, изъятие их у мелких собственников (производителей) и сосредоточение в основном в руках государства — являлось показателем форсированного процесса первоначального накопления.

Следует обратить внимание на особый институциональный механизм, примененный советским государством, — культивирование многоукладных экономических систем [10]. Это было сделано не случайно. Если отследить форматирование объектов собственности, то легко заметить, что государство сконцентрировало у себя право собственности на землю и наиболее

передовые капиталы — машины и механизмы (для сельского хозяйства — в лице машинно-тракторных станций в 1928–1958 гг.). Земля становилась объектом, позволяющим государству получать ренту. Особенно ярко об этом свидетельствует история колхозов, где земля закреплялась за хозяйством в бесплатное и бессрочное пользование, а колхоз, в свою очередь, имел право предоставлять часть земли в субаренду (под приусадебные участки колхозников). Реализация прав собственности позволила государству в 1930–1950-е гг. сформировать «тягловые» обязанности пользователей земель. Арендная плата за пользование земельной собственностью с колхозов и колхозных дворов взималась государством в натуральной и денежной формах. К натуральной форме относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС (из доли валового продукта); к денежной — сельхозналог. Колхозный двор нес обязательства перед колхозом. Главным из них было выполнение отработочной повинности в общественном хозяйстве сельхозартели с выработкой обязательного минимума трудодней [10]. Другая характерная черта отношений собственности на землю периода 1930–1950-х гг. — уникальность соединения земли и сельскохозяйственного капитала.

Таблица 1. Распределение производственных фондов* СССР по формам собственности, % к итогу

Формы собственности	1928 г.			1936 г.		
	Промышленность	Сельское хозяйство	Все народное хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Все народное хозяйство
Собственность социалистическая в двух видах	97,9	63,6	77,8	99,95	96,3	98,7
А) всенародная (государственная)	96,6	62,6	76,5	97,35	76	90
Б) кооперативно-колхозная	1,3	1,0	1,3	2,6	20,3	8,7
Личная собственность колхозников	-	0,1	-	-	3,1	1,1
Мелкая частная собственность единоличника — крестьянина и кустаря	2,0	31,9	19,6	0,05	0,6	0,2
Капиталистическая частная собственность	0,1	4,4	2,6	-	-	-
Всего	100	100	100	100	100	100

* В производственные фонды включены: сельскохозяйственные земли, используемые леса, здания, сооружения и постройки производственного назначения, машины, оборудование, производственно-транспортный инвентарь, скот, удобрения, сырье, топливо, материалы и изделия, идущие на производственное снабжение, семена и корма.

Составлено по: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.-Л.: Госпланиздат, 1939. С. 17.

До 1958 года была запрещена продажа крупной сельхозтехники колхозам, она оставалась во владении государства. Государственные предприятия — машинно-тракторные станции — предоставляли колхозам услуги аренды техники и получали натуральную ренту (натуроплата МТС). Титул государства как собственника давал возможность властвовать над личностью: этой цели служили паспортная система 1932 года, «прикреплявшая» крестьянина к земле, многочисленные акты, предопределявшие распоряжение работником (через систему оргнабора, переселений, привлечения к различным неземледельческим повинностям и т. д.).

Несмотря на кажущееся отсутствие конкретного собственника государственного имущества в советском обществе, многие политики, а затем и исследователи, отмечали, что, начиная с 1930-х гг., складывается господствующий класс (Л.Д. Троцкий, А.Г. Авторханов, М. Джилас, М.С. Восленский и др.) [16–19]. Его называли в разных системах представлений номенклатурой, партократией, коммунистической буржуазией и др. По нашему мнению, высший класс советского общества переживал генезис и полностью в класс собственников по политическим и экономическим причинам оформиться не смог, в связи с чем мы ввели в историографию советского общества термин «протобуржуазия», отражающий незавершенность классового оформления [8].

Одной из самых важных особенностей советского государственного капитализма являлось отсутствие локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, «разделенность» этого права между отрядами высшего социального класса. Уникальность системы позволила сформировать специфичную, присущую только советской России, когорту управленцев, «разделивших» между отрядами политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков и др. права со-собственников, прежде всего в отношении производственного капитала (по советской терминологии — основных фондов производства). Это, в свою очередь, привело к исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс и окончательно оформить его. Сочетание превалирования «государственной» собственности и

коллективного со-собственника в виде протобуржуазного класса привело к складыванию особой институции — коллективной капиталистической собственности. Ее черты в историческом масштабе еще предстоит исследовать, однако уже сейчас можно предположить, что она сыграла решающую роль в период первоначального накопления капитала, позволив полномасштабно регулировать вопросы трансформации аграрного общества в капитализированное.

После окончания периода форсированного первоначального накопления (он в основном завершился в конце 1950-х гг.) институт собственности в советской России пережил новые качественные изменения. Крупнейшие его трансформации были связаны с решениями о товаризации такого объекта собственности, как средства производства. Начало этому движению положил Закон о реорганизации машинно-тракторных станций 1958 года, в результате чего на рынок капиталов вышли держатели негосударственной формы собственности (колхозы). На данном этапе система отношений собственности стала более «свободной», землепользователи освобождались от тягловых обязательств. С 1958 года были отменены обязательные государственные поставки сельхозпродуктов колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата колхозов за работы МТС [20].

Следующий важный шаг к консолидации разделенных прав собственности произошел в ходе так называемой косыгинской реформы (началась в 1965 г.). Руководителям государственных предприятий были даны большие права по определению ассортимента продукции, а главное, по распоряжению серьезной долей прибыли предприятий, которая аккумулировалась, в том числе, в поощрительных фондах. В результате резко возросло поле потенциальной индивидуализации института собственности. Например, в 1970 году 39% прибыли было оставлено в распоряжении предприятий и хозяйственных организаций, подчиненных Совету Министров РСФСР, в 1980 году — 44%, в 1985 — 48%³.

Мощнейшим механизмом трансформации института коллективной капиталистической

³ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1986. 655 с. С. 369.

собственности в 1960–1980-е гг. выступала так называемая теневая экономика. Здесь действовали неформальные организации и институты, отрабатывались возможности разгосударствления собственности, ликвидации государственно-капиталистического устройства в СССР [21].

Еще одним актором на поле трансформаций института коллективной капиталистической собственности были граждане СССР, занятые на производстве и в непроизводственной составляющей экономики. Имманентно присущей им чертой являлось отстаивание ниши в праве реализации отношений собственности [22]. При этом речь не идет только о личной собственности, разрешенной законом. Проведенные исследования позволяют говорить о нарастании буржуазных тенденций и интересов во всей классовой пирамиде страны. В частности, современная российская историография довольно серьезно разрабатывает проблему «злоупотреблений» собственностью. В их число включается многообразный спектр действий: кражи продуктов, так называемые «разбазаривания», «растаскивания» имущества, «самоснабжение», использование техники, другого имущества, земли для личных нужд и т. д. Однако исследователи практически не задаются вопросом о природе этих действий, их глубинных причинах, связанных, по нашему мнению, с глобальными изменениями экономического строя России – укоренением государственного капитализма в советских общественных и экономических институтах. Тот факт, что данные явления были довольно привычными в советской повседневности, говорит о системной встроенности неформальной реализации права собственности. «Внезаконная» реализация права собственности рассматривалась «высшими» и «средними» классами как своеобразная плата за должность. «Низшие» классы – рабочая аристократия и пролетариат – явочным порядком осуществляли свои собственнические права, что чаще всего расценивалось государством и протобуржуазией в категории «воровство», направленное на ущемление титульной формы собственности и со-собственников.

Революция института собственности в СССР завершилась формальными изменениями в законодательстве. Законом «О собствен-

ности в СССР» (1990 г.) расширен перечень объектов собственности – в него была включена земля. Формы собственности приравнивались по значимости, в связи с чем появились смешанные формы собственности, включая государство, юридических лиц, граждан, иностранных агентов. Государственная собственность подразделялась на общесоюзную, республиканскую, коммунальную и государственного предприятия⁴. За государственным предприятием при этом имущество закреплялось «на праве полного хозяйственного ведения», т. е. предприятие могло владеть, пользоваться и распоряжаться «указанным имуществом по своему усмотрению». По сути дела, комплекс законов 1989–1990 гг. (включая законы СССР «О предприятиях в СССР», «Основы законодательства СССР и союзных республик об аренде», «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР „О кооперации в СССР“») разрушил институт коллективной капиталистической собственности и сформировал предпосылки для оформления частной капиталистической собственности. Класс для реализации последнего института был уже создан.

Особенности политико-идеологического обеспечения капиталистических экономических трендов

Для такой страны, как Россия, идейная оболочка всех процессов играла важнейшую роль, так как легитимизировала действия верховной власти и придавала населению уверенность в правильности траектории развития государства. Направляющими идеями в разное время были «Москва – третий Рим», триада «Православие – Самодержавие – Народность», «русский коммунизм» как смысл (в бердяевской трактовке «русской идеи»), а в советский период – программа построения социализма, а затем коммунизма, изложенная в Конституции СССР, целом ряде документов ВКП (б) – КПСС и произведений политиков.

Политическая система СССР создавалась в результате проб и ошибок как довольно гибкое образование, позволяющее принимать решения в духе повестки времени. В определенные моменты эта особенность поддерживала кардинально противоположные векторы развития

⁴ О собственности в СССР: закон СССР. М., 1990. 128 с.

страны (от военного коммунизма до нэпа) и была способна учитывать разные мнения на стадии согласования решений (хотя некоторым кажется, что она была склонна не искать компромиссы, а истреблять «инакомыслящих»). Политическая система строилась на балансировке между «партийной», «хозяйственной» и «силовой» линиями; роль последней политической силы, впрочем, почти никогда не прослеживалась в историографии как политический фактор. Между же «партийной» (прежде всего в лице центральных и региональных органов ВКП (б) – КПСС) и «хозяйственной» (правительство, система советов и их исполкомов) ветвями политической системы отношения в плане разделения власти складывались непросто. Первоначально предполагалось, что партийные структуры будут вырабатывать политическую стратегию, заниматься ее идеологическим оформлением и пропагандой. В ведении советской же ветви должна находиться непосредственно экономическая жизнь страны. Однако полностью реализовать этот принцип так и не получилось, поэтому в 1938 году было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О выдвижении беспартийных специалистов на советскую и хозяйственную работу»⁵, где отмечалось, что «местные партийные органы выдвигают беспартийных работников, как правило, лишь на второстепенные должности..., хотя по политическим и деловым качествам, по практическому опыту и образованию эти беспартийные работники вполне способны были самостоятельно руководить в советских и хозяйственных организациях». Еще больше данная проблема привлекала внимание партийной элиты в экстремальный период военного времени. В фонде В.М. Молотова (РГАСПИ. Ф. 82) сохранилось несколько интересных документов. В 1944 году, например, был подготовлен проект Постановления Пленума ЦК ВКП (б) «Об усилении государственных органов на местах». Над проектом работала группа в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева. В нем отмечалось, что «местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных

органов..., к подрыву их деятельности и усиливает бюрократизацию... В организационном отношении указанные недостатки ... привели к неправильному распределению руководящей работы между ними. В партийных органах сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники»⁶. Сразу после Великой Отечественной войны вновь была предпринята попытка установить определенную иерархию в делении «политических» и «экономических» полномочий. В фонде В.М. Молотова находится еще один проект Постановления Пленума ЦК ВКП (б) «О поднятии роли и улучшении работы совнаркомов союзных и автономных республик, крайисполкомов, обласполкомов, горисполкомов и райисполкомов». В документе вновь подчеркивалось, что в годы войны «партийные органы взяли на себя оперативную работу по руководству и управлению хозяйством, стали непосредственно выполнять административно-хозяйственные функции, что... приводит ... к обезличиванию советских органов партийными органами»⁷. Партийным же органам предлагалось «возглавить крутой поворот в сторону значительного усиления авторитета местных советских органов и повышения их роли в деле руководства хозяйственным и культурным строительством»⁸. В документе предполагался довольно оригинальный выход: первый секретарь ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии должен быть одновременно и председателем Совнаркома союзной или автономной республики, исполкома край- (окр-, обл-, гор-, рай-) Совета депутатов трудящихся. Его первым заместителем, в свою очередь, должен был стать «нынешний» председатель Совнаркома, а вторым – «нынешний» второй секретарь ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома⁹. В качестве главной цели преобразований называлось установление «единства в руководящей работе». Несмотря на то что в тот момент решение принято не было, движение в направлении объединения партийной и советской линии власти оказалось важным

⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 64–65.

⁷ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 79.

⁸ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 82.

⁹ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 84.

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 322, л. 12–13.

индикатором. На наш взгляд, предпринятая попытка свидетельствовала о стремлении к консолидации со-собственников, класс которых к началу 1950-х гг. вполне сформировался [8].

Дальнейшие события в отношениях важнейших ветвей власти свидетельствовали об усилении «хозяйственного» блока, особенно в связи с реформами Н.С. Хрущева. В 1957 году основным органом в управлении территориями стали Советы народного хозяйства¹⁰. Этот шаг, в свою очередь, делал ключевым звеном в системе управления местные хозяйственные элиты: нормативно закреплялось вхождение в состав совнархозов руководителей крупнейших предприятий и строек регионов, но не предусматривалось вхождение в них местных партийных руководителей¹¹.

В дальнейшем роль «партийной» части собственников ослабило разделение партийных организаций в 1962 году по производственному типу (на промышленные и сельскохозяйственные), часть партийных структур — сельские райкомы КПСС — были ликвидированы¹².

Смещение в неравновесной политической системе страны произошло в 1965 году, когда в ходе косыгинских реформ в системе собственников усилилась роль руководителей предприятий¹³. Партийно-политическая ветвь

власти, вероятно, предчувствовала постепенную потерю верховенства в политической системе, что, в частности, отразилось в некоем реванше 1970-х гг.: в ст. 6 Конституции СССР 1977 года было введено положение о том, что КПСС является «ядром политической системы советского общества».

Такая эволюция политической системы страны неизбежно влияла на эволюцию идеологической составляющей. Переходя к данному вопросу, следует отметить важнейшую особенность советской идеологии — это была идеология, берущая часть истоков не только в марксизме, но и в крестьянском, по преимуществу, мировоззрении. В связи с этим идеалы социальной справедливости, равенства, презрение к богатству, уважение к труду (в большей мере физическому), одобрение сильной власти и жестких ее действий в отношении населения довольно удачно совпали с предложенной большевиками идеологической системой.

Исследования А.Д. Чернева [23] показывают, что большинство советских «вождей», по крайней мере до конца 1970-х гг., имели крестьянское происхождение, а значит архетипически являлись носителями крестьянских взглядов (табл. 2).

Итак, 50% партийной элиты в 1940-е гг. составляли выходцы из крестьян, в 1950-е гг. — 44%, в 1960-е гг. — 47%, в 1970-е гг. — 64%, в 1980-е гг. — 28%. Как представители «крестьянской» части российского общества, они выдвинули довольно много мимикрийных (камуфлирующих истинные госкапиталистические институты и механизмы) черт советской идеологии, понятных основной массе населения, в первую очередь указания на общенародный характер собственности, отсутствие эксплуатации человека человеком, равенство по классовому, национальному, гендерному признаку, ценности трудовой этики (что особенно ярко выражалось в организации соцсоревнования). Пропагандировалась необходимость сдерживать потребности (она напрямую коррелировалась с «моральной экономикой») и др.

Основные вехи формирования официальной политико-идеологической линии хорошо известны: главными целями с начала 1920-х гг. считались перевод хозяйства страны на индустриальные рельсы, достижение уровня

¹⁰ О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: закон. Принят Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 4. 1953–1964 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 343–347.

¹¹ Вопросы совнархозов: Постановление СМ СССР от 28 апреля 1960 г. № 460. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35861#08255320476827717> (дата обращения 07.07.2020).

¹² О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н.С. Хрущева, принятое 23 ноября 1962 г. М., 1962. 15 с.

¹³ О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 5. 1962–1965 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 658–685.; Положение о социалистическом государственном производственном предприятии: утв. Советом Министров СССР от 4 окт. 1965 г. М., 1965. 30 с.; О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства. М., 1967. 9 с.

Таблица 2. Социальное происхождение партийной элиты* РКП (б), ВКП (б), КПСС, 1940–1989 гг., %

Социальное происхождение	1940–1949 гг.	1950–1959 гг.	1960–1969 гг.	1970–1979 гг.	1980–1989 гг.
Всего в том числе:	100	100	100	100	100
из рабочих	14	35	22	18	31
из крестьян	50	44	47	64	28
из ремесленников	-	9	-	-	-
из служащих	22	9	22	18	6
нет сведений	14	3	9	-	35

* Под партийной элитой понимаются члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС.
Составлено по: Вишневский А. Высшая элита РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России. 1997. № 4 (6). С. 40.

развитых государств мира. Иными словами, основная экономическая задача – становление индустриального общества со всеми присущими ему признаками (структурными переменами, урбанизацией, демографическими особенностями и пр.). Путь и этапы ее решения описаны в целом ряде работ [7; 8]. Главное – данный сегмент задач решался через осуществление первоначального накопления и капитализацию советской экономики. Большое значение при этом имела политика формирования класса со-собственников – протобуржуазии, который регулировал и осуществлял это движение.

Однако официальной идеологией при описании идеологических основ советского общества ограничиваться неверно. Советская идеология была сложной многоуровневой системой и включала в себя интересы всех классов и слоев советского общества, а также значительные фрагменты представлений и убеждений, формируемых неформальной культурой общества. В плане фольклора здесь следует отметить значительно влиявшее на общество частушечное творчество и советский анекдот; в плане культурных посылов – пропагандистское искусство (кино, плакаты, картины и др.) и художественную литературу.

Наибольшее влияние на политико-идеологическую составляющую общественного развития, кроме партийной и советской части протобуржуазного класса, оказывали, конечно, представители класса интеллектуалов. Их идейное и реальное продвижение на вершину власти отмечалось многими советологами еще в 1950–1960-е гг. Одно из исследований провел сотрудник Кентуккского университета Ф.Д. Флерон.

Его неопубликованный в СССР доклад «Советская политическая элита: некоторые аспекты политического и экономического развития в Советском Союзе» (подготовлен для ежегодного заседания американской ассоциации политических наук в 1968 г., г. Вашингтон) был в копии представлен в ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности и отложен в архивных фондах аппарата ЦК¹⁴. Ф.Д. Флерон изучил, каким образом «политическая элита» СССР пыталась приспособиться к меняющимся условиям индустриального тренда и рекрутировать „элиту специалистов” в верхи власти (под специалистами он понимал, прежде всего, научную, экономическую, культурную и техническую интеллигенцию). Наиболее важным периодом в этом плане он считал 1950-е – начало 1960-х гг. (табл. 3).

Как видно из приведенных Ф. Флероном данных, представители класса интеллектуалов (терминология наша; Ф. Флерон называет этот класс специалистами, технократами или интеллигенцией) составляли большую долю делегатов партийных съездов (от 16 до 40%). Их число оказалось меньше на XX съезде, где превалировали «руководящие работники». В составе Центрального комитета коммунистической партии на момент XIX (1952 г.) и XX съезда (1956 г.) доля представителей класса интеллектуалов была относительно невелика – примерно 1/5 часть состава ЦК. Однако уже в 1961 году (XXI съезд) наблюдается серьезное (до трети) увеличение доли класса «технократов» в составе ЦК КПСС. В составе же Политбюро ЦК доля представителей «нового» класса менялась не-

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 558, л. 59–91.

Таблица 3. Руководящие кадры, интеллигенция, рабочие и крестьяне на партийных съездах, в Центральном комитете и в Политбюро (1952–1961 гг.)

Даты съездов ВКП (б) – КПСС	Категории	Партийный съезд		ЦК		Политбюро	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Октябрь 1952 г.	РК*	359	30,16	94	75,2	24	66,7
	НЭКТИ**	484	40,6	19	15,2	9	25
	РиК***	349	29,3	0	-	0	-
	Всего	1192	100	125	90,4	36	91,7
Февраль 1956 г.	РК*	702	51,8	103	77,4	11	64,7
	НЭКТИ**	215	15,9	19	14,3	3	17,8
	РиК***	438	32,3	0	-	0	-
	Всего	1355	100	133	91,7	17	82,5
Октябрь 1961 г.	РК*	1728	39,2	126	72	16	100
	НЭКТИ**	1614	34,6	31	17,7	0	-
	РиК***	983	22,3	4	2,3	0	-
	Всего	4408	96,1	175	92	16	100

*РК – руководящие кадры.
 **НЭКТИ – научная, экономическая, культурная и техническая интеллигенция.
 ***РиК – рабочие и крестьяне.
 Колонка «Всего» показывает процент этих трех категорий в каждой структуре, а в числах – количественный состав структур.
 Расхождения объясняются тем, что при расчетах не учитывались военные.
 Составлено по: РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 558, л. 90.

значительно, составив 25% в 1952 году и 18% в 1956 году. В 1961 году в составе Политбюро представители этого класса отсутствовали (как отмечает Ф. Флерон, они влились в «руководящие кадры»).

Эти интересные наблюдения ученый завершает рассуждениями о механизмах формирования политической элиты СССР, а именно «кооптировании» и «рекрутировании». По его мнению, на смену механизмам «рекрутирования» (вступление в политическую элиту на раннем этапе деятельности) в 1960-е гг. приходит механизм «кооптирования» (вступление в политическую элиту на среднем или заключительном этапе деятельности, при этом основной этап деятельности связан с неполитической работой). Такое положение давало возможности пополнить высший класс представителями других классовых групп, при этом «рекрутируемые» представители уже добились успехов на своем поприще.

Рассуждения советолога представляются нам довольно весомыми в плане изучения смены идеологических векторов государственной экономической политики СССР во второй половине XX века. В этот период произошел серьезный пересмотр точки зрения на «социализм» как на общество нетоварное и неры-

ночное. Основную теоретическую роль в этих дискуссиях играли представители класса интеллектуалов, прежде всего экономисты. Среди значимых вех следует отметить дискуссию 1951 года по письмам сотрудников Института экономики АН СССР А.В. Саниной и В.Г. Венжера, в которой непосредственно участвовал И.В. Сталин. Дискуссия касалась возможности товаризации основных капиталов (экономисты рекомендовали начать продажу крупной техники колхозам) [24; 25]. В 1962 году не менее важной реперной точкой идеологических перемен послужила статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», опубликованная в главном органе ЦК КПСС – газете «Правда». По сути, после этих дискуссий вопросы идеологической перенастройки в отношении экономического курса страны на рыночные реформы были решены.

Заключение

Таким образом, институциональный подход в изучении экономического строя помогает выявить крупные структурные проблемы, требующие пристального исторического анализа. Соотношение исследования институтов, функций организаций, особенностей агентов исторического процесса позволит представить историю

советского периода в духе современных мировых трендов общественных наук. В частности, при применении институционального подхода выявлено, что институт собственности в советской России 1930–1980-х гг. пережил ряд крупных трансформаций. Первая была связана с формированием коллективной капиталистической собственности, охватывая 1930–1950-е гг. Основные институциональные изменения произошли в 1930-е гг. Важнейшей составляющей этого этапа стало формирование класса собственников. Второй этап охватывал период 1960–1980-х гг. Его можно назвать этапом расцвета системы государственного капитализма и накопления противоречий. Происходила постепенная либерализация институций, регулирующих отношения собственности, создавалось новое законодательство, направленное на расширение индивидуализации прав распоряжения-пользования, появлялись механизмы товаризации объектов, считавшихся основным капиталом и подлежащих ранее внетоварному государственному регулированию. К концу указанного периода класс со-собственников полностью оформился и тяготился границами госкапиталистического регулирования. В рамках теневой экономики он действовал уже довольно открыто. Требуется серьезного изучения идеологическая работа, проделанная в советском обществе 1950–1980-х гг. представителями разных классов, классовых идеологий и систем мировоззрения (в том числе диссидентской и имплантированной с Запада), чтобы понять этапы и механизмы перенастройки советской идеологической системы на оправдание и осмысление госкапиталистического пути развития. Понятно, что немалую роль в этой схеме сыграли борьба основных ветвей политической власти (партийной и советско-хозяйственной) и вытекающие из нее трансформированные от нерыночных к рыночным идеологические установки. Окончание трансформации института собственности выходит далеко за рамки советского времени, однако первые шаги были сделаны в советский период — подспудное разрушение коллективной капиталистической собственности, скрытая институционализация ее как персонифицированной, что давало легкую возможность приватизации и формирования института частной собственности.

В начале 1990-х гг. произошел переход к частному капитализму, который сопровождался разрушением производственных капиталов, массовым оттоком финансовых ресурсов за рубеж, утратой человеческих ресурсов и интеллектуального капитала. Не случайно с начала XXI века Россия пытается восстановить утраченный в 1990-е гг. потенциал.

Возникает резонный вопрос: можно ли в современных условиях использовать механизмы и институты, бытовавшие при советском госкапитализме? Если он хорошо сработал на этапе индустриальной модернизации страны и довольно паритетно выглядел на мировой арене до середины 1980-х гг., принесла бы результаты его дальнейшая эксплуатация? Мировая практика показывает, что такой путь развития, в принципе, возможен — примером тому служит растущая китайская экономика. Однако в результате идеологического неприятия современной политической элитой многих ценностей советского времени важный опыт госкапиталистического управления собственностью 1930–1980-х гг. оказался пока не востребованным.

Современные российские экономисты предлагают целый ряд направлений по совершенствованию экономической системы страны. В частности, академик РАН С.Ю. Глазьев пишет о необходимости формирования нового мирохозяйственного уклада (дорогу в этом направлении проложил Советский Союз), который предполагает реанимацию национальных интересов, сочетание хозяйственных укладов, где государство будет выступать в роли гармонизатора [26]. Исследователи института экономики РАН, например М.И. Воейков, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг, обращают внимание на увеличение роли государства в экономической жизни общества и выдвигают положение о превращении современного государства из субъекта рыночного пространства в его организатора (плеймейкера) [27].

Большое внимание вопросам совершенствования государственного управления экономическими и социальными процессами в России уделяет коллектив Вологодского научного центра РАН. В недавно вышедшей монографии В.А. Ильина, М.В. Морева, А.И. Поваровой авторы приходят к выводу, что Россия далека от критериев построения социально-

го государства. Пока основным бенефициаром ее внутренней государственной политики является крупный частный капитал, а не широкие слои населения. Укоренившаяся в государственном управлении система «капитализма для избранных» обуславливает многолетнюю нерешенность острых проблем: социального неравенства, потребности общества в социальной справедливости, низкого уровня институционального и межличностного доверия и т. д. [28]. Выход из создавшегося положения авторы видят, в частности, в обращении России к цивилизационному самоопределению. Роль государства должна состоять в формировании стратегического целеполагания, которое даст обществу внятный культурно-ценностный вектор развития, основанный на исторически сложившихся в России нормах морали и ценностях [29]. С этими выводами нельзя не согласиться.

Литература

1. North D.C., Thomas R.P. *The Rise of a Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 179 p.
2. Fogel R.W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
3. North D. Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.
4. Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.
5. Капелюшников Р.И. Contra пан-институционализм // Институциональная экономическая теория: история, проблемы, перспективы. СПб.: Леонтьевский центр, 2019. С. 7–31.
6. Beznin M.A., Dimoni T.M. Revisiting the type of Economic system in the USSR. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5 (47), pp. 238–250.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 118–135.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453.
9. Pierson P., Skocpol T. *Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline*. Katznelson I., Milner H. (eds). Political Science: State of the Discipline. New York: Norton, 2002, pp. 693–721.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2019. 830 с.
11. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: МГУ, 2005. 367 с.
12. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
13. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.
14. Истомина С.В. Природа институционального механизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1. Экономика. Вып. 17. С. 46–52.
15. Turner J. *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective*. New York: Longman, 1997. 306 p.
16. Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 254 с.
17. Авторханов А.Г. Происхождение партократии. В 2 т. Frankfurt/Main: Possev, 1983. Т. 1. 726 с.; т. 2. 536 с.
18. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 539 с.
19. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 622 с.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. (1953–1961 гг.). М.: Политиздат, 1968. 750 с.
21. Gulin K.A. Revisiting the issue of the «Initial Accumulation of Capital» in Post-Soviet Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, no. 6 (12), pp. 276–291.

22. Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 77–86.
23. Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. М.: Изд-во журнала «Родина», 1996. 333 с.
24. Письма В.Г. Венжера и А.В. Саниной И.В. Сталину // Кооперация. Страницы истории. Вып. IV. М.: ИЭ РАН, 1994. С. 240–275.
25. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1952. 96 с.
26. Глазьев С.Ю. Новый мирохозяйственный уклад: модель для сборки // Труды ВЭО России. 2018. № 2 (Т. 210). С. 240–246.
27. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. 54 с.
28. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: итоги и перспективы. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
29. Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.1

Сведения об авторах

Михаил Алексеевич Безнин — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru)

Татьяна Михайловна Димони — доктор исторических наук, доцент, профессор, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: dimonitm@yandex.ru)

Beznin M.A., Dimoni T.M.

Collective Capitalist Property in the Institutional Structure of Russia in the 1930s–1980s

Abstract. The article deals with a subject of the possibility of applying the institutional theory to the study of the economic structure of Soviet Russia and the use of its individual elements to solve the problems of improving the efficiency of public administration at the present development stage of this country. The purpose of the work is to consider the basic issues of the evolution of the country's socio-economic development at the stage of bifurcation. The novelty of the research is that it shows the evolutionary trends of the property institute and the political and ideological mechanisms of their ensuring in the 1930s–1980s. The emphasis is put on identifying the stages of property relations transformation: from the formation of collective capitalist ownership in the period of 1930s–1950s to the trends to its individualization in the 1960s–1980s. The turn of the 1990s is considered as a period of fundamental change of the collective capitalist property institute. According to the authors, the formation of a proto-bourgeois class of co-owners, which provided capitalist tendencies in the society's development, was of great importance in Soviet times. The article shows the ideological content of trends leading to the capitalist transformation of Russia, which consist in justifying the property rights concentration. The change in the social base of the ruling class formation, the inclusion of the representatives of the intellectuals' class and the intelligentsia in its composition were quite important in this process. It is noted that privatization in the course of market transformations broke the existing property relations in the Soviet period and led to an increase

in social inequality. The authors emphasize the urgent need to restructure modern state policy in terms of taking into account the mentality of the “Russian life” and economic traditions that developed during the Soviet period.

Key words: Russia, USSR, state capitalism, institutions, institutional mechanisms, property, proto-bourgeoisie.

Information about the Authors

Mikhail A. Beznin – Doctor of Sciences (History), Professor, Pro-rector for Research, Head of Department, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation; e-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru)

Tat'yana M. Dimoni – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation, dimonitm@yandex.ru)

Статья поступила 04.06.2020.